

Призма Бальтерманца

В Доме фотографии – выставка классика советского фоторепортажа

Мария Верт

В Московском доме фотографии открылась персональная выставка Дмитрия Бальтерманца. Она проходит в рамках программы «Классики российской фотографии». На выставке – несколько серий. Война, БАМ, Сибирь, политики, Москва 60-х.

Дмитрия Бальтерманца знают все. Даже дети, которые видят его военные фотографии в учебниках. И фотографию «Горе» (матери над убитыми) тоже знают все. Именитые фотографы преклоняются перед его профессионализмом, бывшие работники парткомов помнят его обложки в «Огоньке».

Он был мастером, который соответствовал эпохе. Довольно сложно сочетать в своих работах сюжеты и ракурсы, которыми были бы довольны все. Но так было. Несмотря на то что с точки зрения идеологического формата снимки были выдержаны, видеть у Бальтерманца получалось особенно, как бы по-диссидентски. Видимо, отсюда и происходит БАМ, который интересен не сам по себе, а какой-то безнадежностью и глобальностью. Москва 60-х ассоциируется не с массовым теплом, спокойствием и черно-белым туманом, а наполнена яркой суетой. Война полна обреченностью, это у всех, но у Бальтерманца – даже на победных парадах. Сибирь – мраком. Политики – авторской иронией.

Бальтерманц – один из немногих фотографов, снимавший войну, но его работы – в газетах, журналах, на плакатах – не оставляют такого ощущения присутствия, как на выставке. Черно-белые фотографии совсем не кажутся старыми, и уж тем более – военными. Это сюжеты. С живыми лицами, с кон-

«Горе» Дмитрия Бальтерманца не стало со временем меньше...

кретными людьми, с конкретными судьбами. Которые уже давно в прошлом, как и происходившие события. Но ощущение того, что все это было почти сейчас, не покидает.

Многие фотографии Бальтерманца были напечатаны только спустя десять лет, во время хрущевской оттепели, потому что для войны были слишком откровенны и не призывали поднимать дух победы. Какой уж тут «дух», когда смотришь на растерянных солдат, не знающих, что делать с трупами после Сталинграда. В военных фотографиях Бальтерманца есть некая особенность – сквозь них виден страх и стыд людей. И если страх нам понятен, то стыд – нет. От того, что все это случилось, что не могли иначе... Молодые ребята в штрафбате стоят шеренгой наготове, прикрывая собой танки, сейчас вот будут «защитать Родину», всем понятно

какой ценой, но им понятно больше других.

С политиками Бальтерманц обходится совсем иронично. Нет ни одной фотографии, где не было бы жесткого сарказма, даже похороны Брежнева. Над гробом стоит Галина Брежнева, плачет, а Чурбанов, искося глядя на «отца родного», утирает ей слезу. Фотография «Аргументы Хрущева» в свое время прошла по миру. Кукуруза в руках Никиты Сергеевича как очередной член ЦК КПСС. Или катающийся на санях Фидель Кастро. И видно, что ни для кого нет большего счастья, чем порадовать кубинского друга советским снегом и саночками. Правда, в саночках решили прокатить еще и школьников-отличников, у которых по непонятной причине глаза полны ужаса. Ничего этого не видели ни сами генсеки, ни другие начальники. Но все это видел Бальтерманц.

По его фотографиям можно наблюдать за всеми метаморфозами политиков. Горбачев на похоронах Брежнева – молодой, серьезный, один из тех. Уже потом, на встрече с Рейганом, – один из нас. Хрущев рядом со Сталиным – молодой, серьезный, один из тех. А потом с кукурузой – в общем, вы поняли...

Когда смотришь старые документальные фильмы, все события – из другой жизни. Когда смотришь на работы Бальтерманца – все из этой, из нашей. Серия фотографий с БАМа необычна для своего времени тем, что больно художественна. Индустриальная самобытность во всем, только не в настроении Бальтерманца. Это красота, страшная, деланая, искусственная, но – красота. «Дороги БАМа» – бесконечность и множественность в одном кадре. Ни единого человека. Это все сделано его руками, но живет само по себе. В фотографиях.